

Глава 394. Не убивай меня, я очень полезен!

Брат Обезьяна очень зол.

Очень серьёзно зол.

После того, как душевный шок отправил спрятанного Цю Хунде на дно озера, всё тело Брата Обезьяны, как пушечное ядро, с электрическими отблесками устремилось к Фу Чжэнцину в ста милях от него.

Именно этот ненавистный человек обидел его отца, непростительно, он должен быть убит, и надо отрубить ему голову, чтобы дать отцу успокоиться!

В это время обезьяна был очень жестоким, и гнев и враждебность, витающие в небе, казались реальными, а аура в пространстве стала намного тяжелее, чем обычно.

Ему все равно, кто это, он знает только, что кто-то причинил боль его отцу, и он хочет отомстить!

- Проклятье, злое животное, смеешь быть жестоким среди человеческого рода, ища смерти! - Фу Чжэнцин также был полон горя и возмущения. Его учитель, Цю Хунде, был ранен этим чужим. Хотя он не был мёртв, его травмы были серьёзными, и он не смог бы снова драться в ближайшее время.

Сила этого чужого в форме обезьяны даже сильнее, чем у Ван Хунфана, и чужой был духовным мастером и мастером боевых искусств, и в его теле почти нет недостатков. Он почти непобедимый, с ним чрезвычайно сложно иметь дело.

Бум!

Полный удар Фу Чжэнцина с негодованием встретил быстро атакующего брата обезьяну, но в результате он не смог причинить вред чужому в форме обезьяны. Вместо этого он был раздавлен и избит обезьяной и мог только пассивно защищаться.

«Он слишком сильный, я совсем не противник ему!» - Фу Чжэнцин быстро осознал реальность - его атаки были совершенно бесполезны: все его нынешние техники почти не влияли на чужого перед ним.

Напротив, каждый раз, когда чужой атакует его кулаками и ногами, он чувствует себя несчастным, а травмы на его теле становятся всё тяжелее. Если так будет продолжаться, боюсь, не пройдет трёх-двух минут, прежде чем Фу Чжэнцин полностью падёт.

«Что мне делать? Мне всего семьдесят девять лет, и я ещё недостаточно прожил!» - Фу Чжэнцин был обеспокоен, он не хотел умирать, и он не хотел позволять чужим буйствовать в северо-западном регионе из-за своей некомпетентности.

- Ха-ха, черт возьми, ты не противник этому внуку, ты мёртв! Я могу сразу тебе шею сломать! - алые глаза обезьяны смотрели на Фу Чжэнцина. После короткой схватки выяснилось, что Фу Чжэнцин был совсем как старик, которого он отправил в воду. Все они были могущественными, но сила души была слаба. Ему совсем не сложно иметь дело с такими противниками.

Кроме того, почему внезапно я чувствую, что этот человек с небольшой рвотой во рту кровью кажется очень сладким и восхитительным, поэтому я хочу наброситься на него и укусить!

Красный свет в глазах обезьяны становился всё сильнее и сильнее, и из его рта текла слюна, когда он смотрел на Фу Чжэнцина, особенно когда кровь оставалась в уголке рта Фу Чжэнцина.

Его свирепость и характер постепенно возбуждаются и высвобождаются. Фу Чжэнцин наблюдал, как золотой пух на поверхности этого чужого постепенно меняет цвет и покрывается облаком крови, похожим на дым.

«Всё кончено, этот чужой демонизирован!» - разум Фу Чжэнцина задрожал, сила демонизированного чужого внезапно удвоилась, и он полностью лишился разума, как сумасшедший, постоянно нападавая и пожирая любых существ вокруг него.

Другими словами, демонизированный чужой не узнаёт даже родственников, они поглощены безумием, и они настолько сильны, что обычным людям сложно их подчинить.

«Яшоу! Разве это не заставляет Лао-цзы разыграть последнюю скрытую карту?!» - Фу Чжэнцин выглядел сбитым с толку, - «Сначала я думал, что на этот раз всё будет надежно. Мне вообще не понадобится такой козырь. Теперь кажется, что всё больше не идёт по плану! Чуть позже, когда чужой трансформируется, придётся использовать это!»

«Ван Хунфан, этот убудок, знает, что чужие чрезвычайно опасны и их трудно контролировать, но осмелился держать его в неволе. Это действительно грех!» - Фу Чжэнцин жаловался от всей души. Глядя на брата Обезьяну, который становился всё более и более кровавым, и его собственные травмы всё более и более серьёзными, он знал, что больше не сможет сдерживаться. Если он продолжит в таком духе, он не сможет даже использовать силу последней скрытой карты.

Внутри города Тайкан.

После того, как Чжу Хуанань насильно накормил его паразитическими пурпурными спорами, тело Ван Хунфана резко изменилось в одно мгновение.

Его цвет лица стал бледным и бескровным, а кожа старела и сморщивалась. Первоначально пухлое тело быстро сжималось и сморщилось менее чем за секунду, становясь жёлтым и тонким, как мёртвое дерево.

После того, как срок техники удержания тела и сдерживания души истёк, Ян Фань перестал использовать их, и Ван Хунфан снова вернулся к своему обычному состоянию.

Но в это время он хотел двигаться, но не мог.

Его ноги укоренились.

Корневища растений в прямом смысле слова торчат из его ног, они выглядят белыми, нежными и нежными, но на самом деле они тверды, как сталь: тонкие корневища прямо проникают в пол из голубого камня на земле и глубоко укореняются в недрах земли.

Духовные мысли Ян Фаня проникли вглубь, и он обнаружил, что эти корневища были плотно упакованы тысячами, и каждое из них могло проникать на 100 метров под землю, постоянно вытягивая воду и духовную силу из земли.

Ван Хунфан был полностью посажен в землю, и ци, кровь и духовная энергия в его теле поглощаются и очищаются спорами, паразитирующими в его брюшной полости, непрерывно порождая быстрый рост пурпурных спор.

«Паразитические пурпурные споры на самом деле укореняются непосредственно в пяти внутренних органах, используя людей как питательную среду. Это действительно ужасно!» - видя тело Ван Хунфана, окружённое плотными корневищами спор, постоянно впитывающими плоть и сущность крови Ван Хунфана, как вампир, Ян Фань не мог не вздрогнуть от холодных мурашек.

Нима, слишком страшно!

Такой способ смерти, лучше быть проглоченным чудовищем!

- Чжу Хуанань! Ты смеешь так со мной поступать?! - сознание Ван Хунфана всё ещё очень ясное, но тем сильнее страх в его сердце, и всё его лицо исказилось.

- Ты мёртв, даже не думай об этом! - Ван Хунфан не просил пощады, но угрожающе зарычал, - Ты видел этого чужого. Он чрезвычайно силён, и в его теле почти нет слабости. Младший Фу Чжэнцин не может быть его противником!

Ха-ха-ха, в этом мире только старик может управлять им. Как только старик умрёт, он обязательно сойдет с ума и разорвёт всех вас на куски!

В то время весь северо-запад станет чистилищем, и все будут похоронены со стариком, ах-ха-ха-ха! - если сознание Ван Хунфана просто сумасшедшее, то его выражение лица было совершенно ненормальным. В конце концов, он не только больше не сопротивлялся скорости паразитических пурпурных спор, поглощающих его кровь и психическую энергию, но и активно отдавал свою кровь и активно поддерживал паразитические пурпурные споры, желая умереть.

Чжу Хуанань небрежно взглянул на Ван Хунфана, выражение его лица не изменилось:

- Всё дело во времени, ты не боишься рассмешить Лао-цзы! - тихо сказал Чжу Хуанань, - Если ты хочешь умереть, поторопись, я всё ещё жду, когда вырастут плоды твоего тела.

Что касается того, кто этот чужой, стоят ли его отношения со стариком хоть десять центов? От начала до конца старика заботит только одно, а именно: умрёт ли Ван Хунфан в моих руках! - голос Чжу Хуананя был холодным и беспощадным, и он не обратил внимания на угрозу Ван Хунфана.

Обезьяна за городом была действительно потрясающей, и даже Фу Чжэнцин отступал под её давлением.

Но что с того?

Возможно ли, что если Ван Хунфан жив, всё изменится?

Наивно.

Как только Ван Хунфан получит время вздохнуть, Чжу Хуанань и Фу Чжэнцин вернутся к Цю Хунде и его группе. Они всё равно умрут, и ситуация только ухудшится.

- Нет, нет, нет! - видя, что Чжу Хуананя не обманули, и решимость убить его была настолько сильной, что он, не колеблясь, позволил чужому за пределами города нанести ущерб всему особняку Северо-Западной стражи, выражение лица Ван Хунфана изменилось, и он быстро отключил кровоснабжение спор.

- Брат Хуанань, всё можно обсудить! Мы действительно можем победить вместе. Нет необходимости заставлять меня умереть, мы пострадаем оба! - Ван Хунфан выглядел обеспокоенным.

Его тело становится всё слабее и слабее. Если он позволит спорам в своём теле продолжать поглощать его ци и энергию крови, через некоторое время он боится, что никогда не избавится от этой ненавистной пурпурной споры.

Он не хочет умирать, он даже хочет жить вечно больше всех!

- Брат Хуанань, тридцать лет назад я сделал слишком много, но тогда я ничего не мог с собой поделать.

Кроме того, прошло более 30 лет. Неужели нужно проявлять чрезмерную осторожность? Я здесь искренне извиняюсь перед тобой, хорошо? - Ван Хунфан начал умолять о пощаде, - Если у тебя есть что-нибудь, мы можем сесть и спокойно обговорить это. Я обещаю, если ты поможешь мне удалить эту фиолетовую спору из моего тела, Ван Хунфан будет следовать за тобой в будущем, и только ты будешь первым!

Я боевой король, король шестого уровня! Не убивай меня, я очень ценен!

И эта обезьяна! Я растил его с детства. В этом мире он слушает только меня. И это уже сила короля боевых искусств пятого уровня, а жизненная сила и духовная сила достигли высшей точки боевого короля пятого уровня. Он сильный, сразить боевого короля шестого уровня или даже боевого короля седьмого уровня для него - всё равно что детская игра!

Ты же видишь, что Фу Чжэнцин вовсе не его противник! Если ты меня отпустишь, у тебя будет ещё два помощника У Ван на шестом уровне! В будущем ты легко сможешь убить Фу Чжэнцина и Цю Хундэ и свободно действовать на всём Северо-Западе! Никто не посмеет сказать тебе против хоть полслова!

Жажда выживания Ван Хунфана чрезвычайно сильна. Он постоянно соблазнял Чжу Хуананя, надеясь получить шанс выжить.

Лицо Чжу Хуананя холодно, как железо, а сердце твёрдо, как сталь. Он не принял близко к сердцу слова искушения Ван Хунфана.

Теперь он даже не хотел слушать Ван Хунфана, его единственным желанием было смотреть, как Ван Хунфан умирает в ужасе от бесконечных страданий и мучений!

Увидев, что пугающее выражение лица Ван Хунфана стало тяжелее, а умоляющий голос становилось всё более и более нетерпеливым и, наконец, превратился в злобные проклятия и оскорбления, настроение Чжу Хуананя было очень счастливым.

Этот день он ждал слишком долго, целых тридцать лет!